

Шестимѣсячное правленіе Петра III принадлежало къ числу самыхъ печальныхъ эпизодовъ въ русской исторіи XVIII столѣтія. Трудно представить себѣ человѣка, столь мало подготовленнаго, столь мало способнаго къ высокому призванію, возложенному на него судьбою, какъ этотъ Голштинскій принцъ, въ которомъ не было ничего русскаго, кромѣ его происхожденія. Петръ III давно уже находился при русскомъ дворѣ, давно уже считался законнымъ наслѣдникомъ престола, но не смотря на это, онъ не имѣлъ ровно никакого понятія о духѣ и характерѣ того государства и народа, править которымъ ему пришлось теперь. Самъ по себѣ Петръ былъ человѣкъ вовсе не дурной, онъ былъ способенъ къ порывамъ великодушія, онъ принималъ добрые совѣты, и гуманныя идеи вѣка не прошли для него безслѣдно. Такіе акты, какъ освобожденіе дворянства отъ обязательной службы, какъ уничтоженіе тайной канцеляріи съ ея страшною системою розысковъ, доносовъ и пытокъ, какъ намѣреніе отобрать у монастырей громадную земельную собственность, показывали бы въ Петрѣ III мудраго и энергическаго государя; но къ сожалѣнію эти мѣропріятія остались единичными явленіями и, что самое важное, они вытекали не изъ инициативы самаго Петра, а были внушены ему его совѣтниками. Ни по своему развитію, ни по образу жизни, ни по характеру, Петръ не былъ способенъ ни къ какой систематической и плодотворной дѣятельности. Мелочныя забавы и развлеченія поглощали большую часть его времени. Къ государственнымъ дѣламъ онъ относился съ чисто внѣшней механической стороны. Его занимали такія мелочи, какъ переименованіе полковъ, какъ перемѣна старой формы на новую по прусскому образцу, какъ безконечныя ученія и вахт-парады. Нѣмецъ по характеру и по образу жизни, онъ не понималъ русскихъ, не любилъ ихъ и не довѣрялъ имъ. Онъ устроилъ себѣ особую голштинскую гвардію, и голштинскіе офицеры,

люди по большей части грубые и невѣжественныя, составляли его любимое общество. Цѣлые дни и ночи проводилъ онъ въ этомъ обществѣ за бутылкою пива и трубкою табаку, онъ усвоилъ себѣ грубый жаргонъ своихъ собесѣдниковъ и ихъ мелочныя интересы.

Своимъ безразсуднымъ образомъ дѣйствій, своимъ полнымъ незнаеміемъ Россіи, Петръ въ короткое время успѣлъ оттолкнуть отъ себя всѣхъ. Его первая и самая страшная ошибка заключалась въ томъ, что онъ окончательно разошелся съ своей даровитою, энергическою, но въ то же время страшною и мстительною супругою. Екатерина, правда, давно уже не любила Петра, но какъ женщина умная, она безъ сомнѣнія употребила бы всѣ усилія для удержанія Петра III на престолѣ, если бы самъ императоръ не сдѣлалъ ей это невозможнымъ. Петръ не только обращался съ Екатериной грубо и презрительно, но только выставилъ всѣмъ на показъ свою связь съ княгиней Воронцовой-Дашковой, но и не задумывался наносить Екатеринѣ публичныя оскорбленія въ присутствіи всего двора, грозилъ при всякомъ удобномъ случаѣ, что онъ раздѣляется съ Екатериной точно также, какъ Петръ Великій съ своей первой женой, т. е. запретъ ее въ монастырь. Возстановляя противъ себя свою жену, Петръ думалъ въ тоже время управлять Россіей при помощи людей новыхъ, незнакомыхъ ни съ положеніемъ государства, ни съ его традиціями. Онъ систематически устранялъ отъ дѣлъ всѣхъ министровъ и совѣтниковъ минувшаго царствованія; возвращая изъ ссылки почти всѣхъ опальныхъ, онъ забылъ однако же о Бестужевѣ-Рюминѣ, человѣкѣ, который могъ бы оказать ему самыя важныя услуги. Изъ всѣхъ приближенныхъ Петра, быть можетъ, одинъ только Минихъ былъ безусловно преданъ ему, но Минихъ только-что возвратился изъ двадцати-лѣтней ссылки, новая Россія была ему чужда, онъ не въ состояніи былъ руководить своимъ государемъ, если бы даже и захотѣлъ этого. Да Петръ вовсе и не придавалъ первенствующаго значенія совѣтамъ стараго фельд-маршала. Несравненно охотнѣе слѣдовалъ онъ внушеніямъ своихъ голштинскихъ родственниковъ и друзей, а между тѣмъ именно эти внушенія увлекали его все далѣе и далѣе на ложную до-

рогу, ставили его въ непримиримое противорѣчіе со всѣмъ русскимъ обществомъ. У Петра III были и русскіе совѣтники, но одни изъ этихъ совѣтниковъ, люди ничтожныя, какъ напри-мѣръ, Гудовичъ и Трубецкой преслѣдовали лишь цѣли личныя и корыстныя, тогда какъ другіе, люди безспорно способные, напри-мѣръ, Волковъ, тайный секретарь Государя, не въ состояніи были удержать его отъ явныхъ ошибокъ и промаховъ.

Нерасположеніе супруги, ненависть знати не были бы страшны для Петра, если бы онъ могъ положиться безусловно на преданность войска, въ особенности гвардіи. Петръ хорошо понималъ силу и значеніе гвардіи, онъ зналъ, что всѣ прежніе дворцовые перевороты были произведены при помощи гвардейскихъ солдатъ, онъ боялся гвардейцевъ и не безъ основанія называлъ ихъ русскими янычарами. Безъ сомнѣнія, Петръ поступилъ бы гораздо правильнѣе, если бы постарался, хотя на первыхъ порахъ, расположить къ себѣ этихъ янычаровъ; тѣмъ болѣе, что у него не было ни средствъ, ни возможности укротить или совершенно уничтожить это опасное для него войско. Но Петръ не только не пытался расположить къ себѣ гвардію, а напротивъ оскорблялъ и унижалъ ее на всякомъ шагу. Онъ распустилъ знаменитую „лейб-компанію“ Елизаветы и создалъ новое привилегированное войско — „Голштинскую гвардію“. Онъ подчинилъ русскую гвардію суровой и мелочной дисциплинѣ, онъ выводилъ ее изъ терпѣнія безконечными ученіями и парадами, онъ отнял, наконецъ, у нея любимый старый мундиръ.

Духовенство, не смотря на свое полное подчиненіе свѣтской власти, представляло въ тогдѣшней Россіи страшную нравственную силу, силу, съ которой принуждено было считаться всякое правительство. Петръ сумѣлъ возстановить противъ себя и эту силу. Монахи ненавидѣли его за посягательство на монастырскую собственность, бѣлое духовенство проклидало его за приказъ брать въ солдаты сыновей священниковъ и дьяконовъ. Совершенно не понимая религіознаго характера русской массы, Петръ осмѣлился выступить законодателемъ въ сферѣ церковнаго благочестія. Онъ не только открыто смѣялся надъ обрядами и служеніемъ русской церкви, но и на-

мѣревался удалить изъ церквей всѣ образа, за исключеніемъ изображеній Спасителя и Богоматери.

Столь же мало симпатій, какъ внутреннее управленіе, могла вызвать въ русскомъ обществѣ, по крайней мѣрѣ, въ интеллигентныхъ слояхъ его, внѣшняя политика Петра. Петръ, правда, прекратилъ кровопролитную и въ сущности бесполезную войну съ Пруссіею, онъ разорвалъ всѣ связи съ неблагодарными союзниками — Австріею и Франціею, но онъ поступилъ такъ вовсе не изъ политическаго расчета, не изъ соображенія прямыхъ интересовъ Россіи, а подъ влияніемъ своего непомѣрнаго пристрастія къ Фридриху II. Въмѣсто того, чтобы воспользоваться результатами тяжелой войны, выступить въ славной роли посредника между воюющими сторонами, Петръ возвратилъ Фридриху, безъ всякаго вознагражденія, всѣ русскія завоеванія, заключилъ съ нимъ не только миръ, но и союзъ, заставилъ свои войска помогать пруссакамъ противъ бывшихъ союзниковъ Россіи. Негодованіе союзныхъ дворовъ, въ особенности французскаго, не знало предѣловъ. Тотъ самый французскій кабинетъ, который поступалъ до сихъ поръ такъ двусмысленно и коварно по отношенію къ Россіи, не находилъ теперь словъ для порицанія вѣроломной политики русскаго двора. Петръ III могъ бы отнестись спокойно ко всѣмъ этимъ протестамъ, но онъ не имѣлъ права отнестись съ пренебреженіемъ къ интересамъ своей страны, къ голосу своего народа. А кто могъ утверждать, что эти интересы не были нарушены, кто могъ сказать, что русскіе люди того времени не имѣли права порицать чисто личную политику своего государя, политику, лишившую государство всѣхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ такою дорогою цѣною.

Паденіе Петра III и его трагическая кончина были прямымъ и естественнымъ послѣдствіемъ всей суммы страшныхъ ошибокъ, надѣланныхъ имъ. Онъ оттолкнулъ отъ себя такія силы, какъ войско, духовенство, народъ; что же удивительнаго, если всѣ эти силы сплотились противъ него въ страшную коалицію и что во главѣ его враговъ явился никто иной, какъ его обиженная и оскорбленная супруга. Затѣвая государственный переворотъ, Екатерина, находилась приблизи-

тельно въ такомъ же положеніи, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ Елизавета. И она подымала руку на законнаго государя не изъ одного только честолюбія, а также изъ инстинкта самосохраненія. И ей не оставалось другого выбора какъ между престоломъ и монастыремъ. И она опиралась на сочувствіе націи, и она являлась лишь представителемъ народной реакціи противъ владычества чужеземцевъ. Какъ за Елизавету, такъ и за Екатерину дѣйствовали другіе люди; какъ та, такъ и другая имѣли цѣлую массу сторонниковъ, но крайне нуждались въ денежныхъ средствахъ. Но сходство шло еще далѣе. Изъ матеріаловъ, открытыхъ Вандалемъ, оказывается, что Екатерина, подобно Елизаветѣ, старалась заручиться внѣшнею помощію, что она искала этой помощи у Франціи и надѣялась найти въ баронѣ де-Бретейлѣ новаго ла-Шетарди.

Въ числѣ второстепенныхъ заговорщиковъ, окружавшихъ Екатерину, былъ нѣкто Одаръ, родомъ изъ Пьемонта, человѣкъ смѣлый и продажный. „Онъ бѣденъ“ замѣчаетъ дю-Бретейль, „и, кажется, тяготеетъ своей бѣдностью“. Этотъ проходимецъ успѣлъ сойтись съ французскимъ посломъ; неоднократно говорилъ онъ ему о планахъ Екатерины и о ея надеждахъ на помощь Франціи. Мы уже знаемъ, что между дю-Бретейлемъ и ла-Шетарди не было ничего общаго. Молодой французскій посолъ не чувствовалъ ни малѣйшей охоты играть роль заговорщика при русскомъ дворѣ. Къ тому же онъ зналъ, что тайная французская дипломатія смотритъ съ радостью на новую политику русскаго двора, что она намѣрена воспользоваться ею для окончательнаго разрыва съ Россіею, для открытой борьбы съ нею. Зная все это, дю-Бретейль далъ уклончивый отвѣтъ агенту Екатерины и даже не увѣдомилъ свой дворъ о его предложеніяхъ. Этого мало. Какъ будто бы желая устранить себя совершенно отъ этой домашней русской исторіи, онъ взялъ себѣ отпускъ и намѣревался уѣхать изъ Россіи. Наканунѣ отъѣзда Одаръ совершенно неожиданно вновь явился къ послу въ его загородную дачу на Островахъ. На этотъ разъ агентъ приступилъ къ послу съ настойчивыми и категорическими требованіями. „Императрица“, сказалъ онъ, „приказала мнѣ пераждать вамъ, что, побуждаемая са-

мыми вѣрными изъ подданныхъ имперіи и доведенная до крайности поступками своего мужа, она рѣшилась пожертвовать всѣмъ, чтобы положить конецъ невыносимому положенію. Не опредѣливъ еще момента, когда она можетъ приступить къ исполненію своего смѣлаго замысла и не зная, какого рода трудности ожидаютъ ее при этомъ, она спрашиваетъ васъ, не можетъ ли занять ей въ этихъ обстоятельствахъ король 60,000 рублей, и имѣете ли вы настолько кредита въ Петербургѣ, чтобы оставить эту сумму въ рукахъ лица, которое можетъ вручить ее по востребованію. Дю-Бретейль отвѣчалъ въ началѣ, что король поставилъ себя за правило не вмѣшиваться въ чужія домашнія дѣла, но подумавши немного, онъ прибавилъ: „впрочемъ, не смотря на затруднительныя обстоятельства и безденежье, его величество навѣрное и съ удовольствіемъ занялъ бы императрицѣ эту сумму, не осведомляясь вовсе о дѣлѣ займа“. Дю-Бретейль замѣтилъ также, что дѣло это не можетъ состояться иначе, какъ безъ личнаго согласія короля. Не довольствуясь этой оговоркой, посоль потребовалъ кромѣ того гарантіи лично для себя. Онъ заявилъ, что Одаръ долженъ доставить ему записку за подписью Екатерины въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Поручаю подателю сего передать вамъ мой поклонъ и попросить васъ выполнить для меня кое-какія маленькія комиссіи и притомъ въ возможно скорѣйшемъ времени“. Одаръ обѣщалъ выполнить всѣ требованія посла. Какъ же поступилъ дю-Бретейль въ этомъ во всякомъ случаѣ не безынтересномъ для него дѣлѣ? Выѣсто того, чтобы отложить свою поѣздку хотя на нѣсколько дней и розыскать на всякій случай требуемую сумму, посоль преспокойно выѣхалъ изъ Петербурга, поручивъ дальнѣйшее веденіе этого дѣла своему chargé d'affaires, Беранже. Беранже долженъ былъ принять Одара въ случаѣ, если онъ явится, принять отъ него записку и переслать ее къ послу для передачи французскому двору. Понятно, что вся эта процедура должна была потребовать нѣсколько мѣсяцевъ, понятно, что дѣйствуя такимъ образомъ, дю-Бретейль заботился лишь о томъ, чтобы отдѣлаться какъ-нибудь отъ этой непріятной для него исторіи.

Вскорѣ послѣ отъѣзда посла, Беранже дѣй-

ствительно получилъ отъ Одара приглашеніе „à rendez-vous“. Они видѣлись въ отдаленномъ и пустынномъ мѣстѣ; французъ ради выщей предосторожности явился даже переодѣтымъ. Одаръ передалъ ему записку, но содержаніе ея далеко не походило на условленное. Нелюбезность посла, какъ видно, оттолкнула Екатерину, она писала: „покупка, предположенная нами, будетъ скоро сдѣлана, но на болѣе выгодномъ рынкѣ, мы не нуждаемся въ постороннихъ фондахъ“. Съ этой минуты прекратились всѣ сношенія между императрицей и посольствомъ; восемь дней спустя революція свершилась.

Во второй разъ повторились всѣ событія памятной ноябрьской ночи 1741 года. Какъ тогда, такъ и теперь во главѣ движенія стоитъ смѣлая и увлекательная принцесса, на ея зовъ спѣшить непобѣдимая гвардія, ея красота и смѣлость возбуждаетъ мужество вѣрныхъ, увлекаетъ трусовъ, обезоруживаетъ враговъ. Революція не встрѣчаетъ никакого сопротивленія, ни одна рука не поднимается на защиту законнаго государя; рабочій дворъ спѣшитъ привѣтствовать новую владычицу; духовенство возлагаетъ на ея голову императорскую корону; нація привѣтствуетъ ее съ восторгомъ, она видитъ въ ней конецъ всѣхъ своихъ страданій. Лишь въ одномъ отношеніи ноябрьскій переворотъ 1762 года отличается отъ ноябрьскаго 1741 года. Несчастный Іоаннъ Антоновичъ, младенецъ-императоръ обреченъ былъ на вѣчное заточеніе; столь же несчастный, хотя, быть можетъ, болѣе виновный Петръ III умеръ насильственной смертью.

Съ Екатериной начинается новая эра въ русской исторіи, измѣняется совершенно и весь характеръ русско-французскихъ отношеній. Прошло уже цѣлыхъ полвѣка съ тѣхъ поръ, какъ Россія начала добиваться союза съ Франціей. Мы видѣли, къ какимъ печальнымъ результатамъ привели эти заискиванія Россіи, мы вынесли признание, что виною этому были не столько личные взгляды Людовика XV и его министровъ, сколько традиционная политика Франціи и ея вѣковыя связи съ врагами Россіи. Екатерина, одаренная необычайнымъ умомъ, впервые взглянула на отношеніе къ Франціи съ точки зрѣнія трезваго политическаго разсчета и исключитель-

но русскихъ интересовъ. Все историческое прошлое и собственный опытъ убѣждали ее въ невозможности русско-французскаго союза. Вандаль не симпатизируетъ Екатеринѣ, какъ основательницѣ тѣснаго союза съ Пруссіей. „Оба ея предшественника—Елизавета и Петръ руководились въ своей политикѣ истинными симпатіями; Екатерина руководилась лишь чисто эгоистическими и положительными соображеніями. Эта женщина, страстная и увлекающаяся, подчинялась въ дѣлахъ государственныхъ лишь одному холодному разсудку и разсчету. Чуждая всякихъ предвзятыхъ симпатій и колебаній, воодушевленная единственно однимъ желаніемъ преобразовать и возвысить свою Имперію, она избирала себя лишь такихъ союзниковъ, которые могли способствовать ей къ достиженію этихъ цѣлей“.

Характеризуя такимъ образомъ Екатерину, Вандаль тѣмъ не менѣе полагаетъ, что она колебалась первое время въ выборѣ союзника, что она не прочь была даже отъ союза съ Франціей. На чемъ же основывается это мнѣніе французскаго историка? Екатерина, замѣчаетъ онъ, отказалась отъ союза съ Фридрихомъ и объявила себя нейтральною. „Я намѣрена вести себя съ королями, какъ ловкая кокетка“, сказала она дю-Бретейлю. Не возобновляя войны съ Фридрихомъ, она назвала его однако же въ одномъ изъ своихъ официальныхъ актовъ коварнымъ врагомъ Россіи. Друга Франція, Воронцова она осыпала своими милостями, оставила за нѣмъ титулъ и должность канцлера. Наконецъ, Екатерина была очень любезна съ дю-Бретейлемъ и передавала черезъ своего посла въ Парижѣ, Панина, увѣренія въ своемъ дружественномъ расположеніи къ Франціи. Вандаль придаетъ всѣмъ этимъ фактамъ большое значеніе. Онъ готовъ вывести изъ нихъ заключеніе, что Екатерина, не смотря на всѣ опыты прошлаго, искала союза съ Франціей. Мы не можемъ придавать подобнаго значенія этимъ въ сущности мелочнымъ самитомамъ. Сдержанность Екатерины въ первые моменты ея правленія объясняется не ея колебаніемъ, а простымъ желаніемъ ориентироваться въ новомъ для нея положеніи. Въ какомъ бы актѣ Екатерина ни назвала Фридриха коварнымъ врагомъ Россіи, но во всякомъ случаѣ невозможно выводить

изъ этого наименованія какія нибудь доказательства ея дѣйствительнаго внутренняго настроенія*). Воронцова-Екатерина осыпала милостями, какъ стараго совѣтника Елизаветы, а вовсе не какъ друга Франціи. Ея любезности съ дю-Бретейлемъ, ея увѣренія черезъ Панина могли имѣть значеніе лишь одной простой вѣжливости.

Какъ бы то ни было, но сама Франція спѣшила какъ можно скорѣе изгладить послѣдніе слѣды своего союза съ Россіей, придать своимъ отношеніямъ къ ней характеръ рѣшительно враждебный. Людовикъ XV какъ будто бы стыдился своихъ близкихъ отношеній къ Елизаветѣ, онъ старался уничтожить безслѣдно свою интимную переписку съ покойной императрицей. Терсье упрашивалъ Воронцова, чтобы письма короля къ Елизаветѣ были или возвращены французскому двору или сожжены. Мы не знаемъ, исполнена ли была эта просьба, но переворотъ 1762 г. казался Людовику и его повѣренному герцогу дю-Брольи дѣломъ несомнѣнно удобнымъ для Франціи. Поведеніе умершаго царя и его привязанность къ врагамъ Франціи не заключали въ себя ничего опаснаго для ихъ интересовъ. „Вы знаете“, писалъ Людовикъ де-Бретейлю, „что единственная цѣль моей политики по отношенію къ Россіи, это стараться по возможности удалить ее отъ европейскихъ дѣлъ. Избѣгая всего, что могло бы подать поводъ къ личнымъ жалобамъ противъ васъ, старайтесь поддерживать всѣ тѣ партіи, которыя образуются неизбежно при русскомъ дворѣ. Раздоръ, который будетъ господствовать при немъ, не дастъ ему возможности принять участіе въ интересахъ другихъ дворовъ противъ насъ“. Людовикъ совершенно заблуждался относительно положенія дѣлъ въ Россіи. Онъ вооб-

*) Вандаль, безъ сомнѣнія, имѣетъ въ виду манифестъ о востшествіи на престолъ Екатерины II. Въ манифестѣ встрѣчаются дѣйствительно слѣдующія слова: „слава російская, возведенная на высокую степень своимъ побѣдоноснымъ оружіемъ, чрезъ многое свое кровопролитіе, заключеніемъ новаго мира съ самимъ ея злодѣемъ отдала уже дѣйствительно въ совершенное пораженіе“... Слѣдуетъ замѣтить, что манифестъ былъ написанъ Григоріемъ Тепловымъ и притомъ крайне поспѣшно, съ единственною цѣлью оправдать переворотъ. Ссылаться на подобный документъ для характеристики образа мыслей и намѣреній самой Екатерины, едва-ли возможно.

ражалъ, что „московская знать“ тяготеетъ царскимъ деспотизмомъ, что она думаетъ устроить республику на манеръ польской. Онъ совѣтовалъ своему послу поддерживать „les seigneurs moscovites“ всѣми силами въ этихъ ихъ похвальныхъ намѣреніяхъ. „Все, что можетъ повергнуть Россію въ хаосъ и въ ея прежнее ничтожество“, писалъ онъ, „соотвѣтствуетъ какъ нельзя болѣе моимъ интересамъ“. Дю-Бретейлю внушено было самымъ положительнымъ образомъ слѣдовать неуклонно инструкціямъ самаго короля и его тайной дипломатіи. Французскимъ посломъ въ Стокгольмѣ, Константинополѣ, Варшавѣ предписано было противодѣйствовать всѣми силами русскому вліянію. Дѣло шло, по словамъ герцога де-Брольи, объ утвержденіи такой системы, которая стремилась бы къ уничтоженію московскаго могущества, къ вверженію Россіи въ полную анахію. Шуазель, съ своей стороны, нисколько не противодѣйствовалъ этимъ намѣреніямъ тайной дипломатіи. Онъ не имѣлъ никакого представленія о геніи Екатерины и о ея дѣйствительныхъ намѣреніяхъ. Именно въ это время онъ затѣялъ глупый и смѣшной споръ по вопросамъ этикета. Онъ доказывалъ, что Франція признала императорскій титулъ только лично за Елизаветой, что она не дастъ этого титула ея преемницѣ до тѣхъ поръ, пока Россія не заявитъ, что она не будетъ требовать никакого преимуществъ въ установленіи церемоніалъ сношеній между обоими дворами.

Въ такомъ положеніи находились отношенія Россіи къ Франціи, когда вѣнскій и версальскій дворы, истощенные долгой борьбою, принуждены были положить оружіе. Семилѣтняя война окончилась полной побѣдою Англіи и Пруссіи. Колониальное могущество Франціи было разрушено окончательно; Фридрихъ II сохранилъ всецѣло свои владѣнія. Пруссія вышла изъ борьбы истощенная и ослабленная, но не побѣжденная; этого момента только и дождалась Екатерина, чтобы вступить въ тѣсный союзъ съ Фридрихомъ II.

Проф. В. Надлеръ.